

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

О.П. Зубец

Не-убийство как начальный поступок

Зубец Ольга Прокофьевна – кандидат философских наук. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgazubets@mail.ru

Мораль, если понимать ее как форму ценностно-нормативной регуляции, как совокупность норм, заповедей, идей, была активно вовлечена в механику Аушвица. Одним из ключевых понятий нацистской морали является «гуманное» убийство: понимание убийства нацистами как «гуманного» связывается с нацеленностью на борьбу со злом, с тем, что исполнитель убийства морально оправдывает и мотивирует его (благом других, в том числе и жертвы), со способом его осуществления, который должен быть щадящим в отношении как убийцы, так и его жертвы. В нацистской морали «добродетельный» человек берет на себя решение об убийстве, опираясь на моральную идеологию; убийство же как фактическое действие, как данность оказывается вне морали. Он воспроизводит описанную Спинозой ошибку Адама, принявшего слова истины бога за заповедь, закон. Подвергая критике рядоположенность моральных заповедей, автор приходит к выводу, что Аушвицу противостоит не заповедь, не моральный запрет «Не убий», а *не-убийство* как поступок. Философия, акцентировавшая фундаментальность смертности человека, вынуждается Аушвицем поставить в центр понятие «убийство» и постулировать данность не-убийства в качестве начального поступка – вне словесного выражения, рассмотрения, различения: как начало, делающее возможными язык, мышление и индивида как поступающего человека. Это означает поворот моральной философии: от содержательного развития моральной идеологии и спецификации морали через нюансирование мотивов, норм и ценностей – назад, к данности поступка, исключающей дифференциацию убийства по моральным основаниям. Поступок *не-убийства* не опосредован моралью, не задан тем, что убийство есть зло, но само то, что оно есть зло, вытекает из изначальности поступка не-совершения убийства, из решения не убивать, данного в поступке не-убийства. Сама моральная философия мыслится автором как мышление того, кто не убивает.

Ключевые слова: Аушвиц, нацистская мораль, «гуманное» убийство, моральная философия, поступок, заповедь, Спиноза, убийство как данность, не-убийство как начальный поступок, смерть

Философия после Аушвица осознает свои основания, и среди них важнейшие – ничтожение фактичности Аушвица и принятие того, что не культура и наука, не философия и теология интерпретируют Аушвиц, но он сам переинтерпретирует их, говорит о них самих больше, чем они способны сказать о нем. Это полностью относится к понятию морали и всех основных идей моральной философии, для которых критическим является существование нацистской морали, вписанной в механику Аушвица, являющейся его движущей силой. Ее основные черты:

– разрыв поступающего и поступка при приоритете поступающего, личности;

– опосредование поступка нормами, идеалами, ценностями с определенным, задаваемым социумом содержанием, которое можно назвать моральной идеологией. Для нее основной является идея зла (идеологически задаваемая как еврейство и евреи), борьбы с этим злом, ведения «справедливой» войны с врагом;

– определение поступка через мотивы и результаты, лишение его самодостаточности: поступок, определяемый мотивом и личностью поступающего, лишен того, что можно назвать данностью. Исчезает убийство как данность, которая есть лишение жизни, то, что приводит к смерти – независимо от того, каковы мотивы действующего, кто он, кто убит, какова ситуация и т.д.;

– сохранение и формального, и содержательного наполнения морали в ее традиционном понимании. Превращение заповеди «Не убий» в императив «Убий гуманно».

Моральная философия после Аушвица есть мышление человека, принимающего ответственность за произошедшее и столкнувшегося с невозможностью доверять социально-культурным формам своего бытия и своему разуму: все они были задействованы в Аушвице; и с невозможностью опереться на «иную» мораль, на иную моральную идеологию: нацистской морали не противостоит никакая иная мораль, но лишь *поступок* спасателя или спасения, важнейшей особенностью которого, как установили исследователи, является то, что он не опосредован нормой или моральной идеей.

Аушвиц есть радикальное зло, реальный ад, практическое зло, эталон просто Зла и предельное Зло (так его определяют Адорно, Арндт, Бадью) именно в качестве предельного убийства: жест, указывающий на человека и человечество как убивающее. Как возможно быть моральным философом, мыслить в качестве поступающего и задающего мир своим поступком – после Аушвица, в качестве принимающего ответственность за него?

Преобразование понятия нацистской морали в оксюморон¹ связано с преодолением разрыва между поступающим и поступком, утверждением их тождества (невозможности убивающего не быть убийцей), поиском вне-моральной основы (не опосредованной моралью), ничтожащей Аушвиц не на уровне оценки, но на уровне индивидуально-ответственного поступка.

Мышление есть поступок, причем подлинно самодостаточный, полностью данный в самом себе, тот поступок, за который мы полностью несем ответственность, не зная его содержательных истоков, но являясь его началом. Вопрос, как мыслить, не порождая Аушвиц, есть и вопрос: как быть в поступке *после Аушвица*.

«Гуманное» убийство: «Не убий» как «Убий гуманно»

В литературе *после Аушвица* нацистская мораль (и мораль вообще) осмысливается как важнейшее основание Аушвица². Одна из ее ключевых идей – «гуманное» убийство (само слово *гуманно* часто встречается в дневниках и других документах нацистов самого разного ранга³: от нажимающих на курок до главных идеологов и организаторов массового уничтожения. Казни должны проводиться «гуманно и без применения жестокости»⁴. Дж. Толанд в биографии Гитлера говорит о его неоднократном указании осуществлять истребление насколько возможно «гуманно», при этом под гуманным понималось деперсонализированное, а в силу этого – не жестокое убийство⁵).

За усилиями, направленными на введение идущих в газовую камеру в заблуждение, скрывается не только желание избавить убийц от морально-психологической травмы, но и общее стремление опереться на мораль. Идея «гуманного» *совершения* убийства вплетена в оправдание его как такового через моральную мотивацию: ради блага человечества, страны, а когда речь идет о непосредственном исполнителе, то и блага самой жертвы, избавления ее от страданий: голода в будущем, изнасилования, зрелища гибели собственного ребенка («Это должен был быть, так сказать, выстрел по велению совести, ради избавления детей, которые не могли жить без своих матерей»⁶) и др. Считалось, что решение об убийстве не должно приниматься по своей инициативе:

¹ Что нацистская мораль не оксюморон в рамках традиционного понимания морали в этике, показывают, например, Питер Хаас (P. Haas) и Клаудиа Кунц (C. Koontz).

² См. *Russell N. The Nazi's Pursuit for "Humane" Method of Killing // Russel N. Understanding Willing Participants. Vol. 2. Cham, 2019. P. 241–276; Haas P.J. Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic. Philadelphia, 1988; Welzer H. Mass Murder and Moral Code: Some Thoughts on an Easily Misunderstood Subject // History of the Human Sciences. 2004. Vol. 17. No. 2/3. P. 15–32. Подробнее мораль как важнейшая часть механики Аушвица рассматривается в статье: Зубец О.П. Понятие нацистской морали: вызов моральной философии // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 68–79 и др.*

³ Н. Рассел, наряду с другими, называет Р. Хёсса, В. Кубе, К. Брандта и Г. Гиммлера. См.: *Russell N. The Nazi's Pursuit for "Humane" Method of Killing. P. 241.*

⁴ *Леву Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 61.*

⁵ См.: *Russell N. The Nazi's Pursuit for "Humane" Method of Killing. P. 247.*

⁶ *Леву Г. Преступники. С. 77.*

«только фюрер принимает решения, касающиеся жизни и смерти»⁷; исключались личная заинтересованность, морально санкционированным было «убийство без ненависти», без личного мотива, тем более без корысти или садистских наклонностей, без идейного и страстного антисемитизма. Отсутствие «враждебного отношения или враждебных высказываний по отношению к евреям» со стороны убийц⁸ принималось судами во внимание: выполнение долга (убийства) без склонности в суде снижало уровень ответственности. Но все же непосредственный исполнитель принимал *собственное* решение об убийстве, и в нем он опирается на моральную идею, мыслит себя моральным существом. Идея борьбы со злом в сочетании с «гуманностью» мотивов самого акта убийства дополняется «гуманностью» средств его осуществления и порождает нацистскую «чистую совесть»: «Я сам видел, как разгружали мертвые тела, их лица были совершенно спокойны... я не чувствую вины перед богом и своей совестью»⁹, обязанности выполняются «по мере своих сил и с чистой совестью»¹⁰ (отряд Олендорфа убил 90 000 человек).

Нацистская мораль ставит перед человеком особую цель – оставаться моральным существом в ходе решения травмирующих задач, поставленных социумом на основе идеи борьбы со злом. Эта цель была сформулирована Гиммлером как сохранение достоинства перед множеством трупов. Для нацистской морали и судопроизводства важна добродетельность человека, который убивает, но не становится убийцей. Это возможно именно в силу того, что *убийство как данность* невидимо для морали, выведено за ее пространство. В результате требование «Не убий», которое и в известных исторических нормативных кодексах никогда не понималось как абсолютное, но было отдано во власть человеческого рассуждения и решения, т.е. отступления, превращается в заповедь «Убий гуманно»: здесь убийство в его эмпирической данности, как *что*, выведено за скобки, а его *как и зачем* становятся предметом морального интереса и ответственности, что, в сущности, означает моральное санкционирование убийства как данности.

В главе «Нацистские поиски “гуманного” способа убийства» Н. Рассел реконструирует четыре требования, выполнение которых с точки зрения нацистской морали делает убийство «гуманным»: не только ненаказуемым, но и должным. Эти требования таковы: жертвы не должны знать, что их ведут на смерть; убийство организовано так, что совершающие его могут не прикасаться к жертвам, не видеть и не слышать умирающих; вызывающее смерть действие оставляет минимум следов на телах жертв; сама смерть мгновенна¹¹. Серьезные усилия прилагались для выполнения этих требований (химики удалили из газа «Циклон Б» специальную пахнущую добавку, сигнализировавшую об опасности; в построенной позже других газовой камере поменяли расположение отверстий подачи газа для ускорения гибели и т.д.). Сам выбор газа

⁷ Леви Г. Преступники. С. 25.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же. С. 106–107.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Russell N. The Nazi's Pursuit for "Humane" Method of Killing. P. 241.

как средства умерщвления и газовых камер был воспринят Хёссом и Эйхманом как прорыв в решении задачи «гуманного» убийства – они, по их собственным свидетельствам, «вздохнули с облегчением», «успокоились»: «все мы будем избавлены от кровавых бань, да и жертвы до последнего момента будут испытывать щадящее обращение...». «Гуманизм» в отношении совершающих сложную, травмирующую задачу массового убийства провозглашался в публичных речах (в частности, Гимmlера: «не получит душевных травм») и воплощался (например, раздевали жертв, ибо обнаженные тела напоминали животных и их было «проще убивать»¹²). Совершавшееся осуждалось именно из-за тяжести этого дела для достоинства, психики и гражданского сознания убивавших. Вина возлагалась на самих жертв: «...ненавидели евреев за то, что те заставили их участвовать в выполнении гнусной задачи убивать их»; «Для наших людей, которые проводили казни, нервное напряжение было гораздо сильнее, чем для их жертв»; «Именно нам приходилось страдать»¹³.

Нацистская мораль воспроизводит идею селекции, центральную для Аушвица, но уже применительно к человеческому поступку, к убийству, которое может быть «гуманным» или «непотребным», нацеленным на зло или благо. То есть само убийство не просто низводится до средства, смысл которого задается целью, но оно в качестве данности, во всей абсолютности жизни лишения жизни вообще устраняется из области, значимой для человека как морального существа. Факт убийства здесь не существует вне мотивов, намерений, рационализированных обстоятельств, норм, заповедей – веками выращенного древа моральной идеологии и моральных форм, он лишен данности и является лишь вторичным продуктом морали и права. Мораль, осуждая, санкционирует, когда дифференцирует реальность на основе самой себя, различает «разные» убийства и в результате умножает убийство как данность.

Некоторые вопросы к Декалогу и Нагорной проповеди

Несмотря на очевидное присутствие в поле зрения морального философа, Декалог и Нагорная проповедь почти не подвергались критическому анализу. Тем не менее этика после Аушвица делает такой критический взгляд необходимым. Что в этих кодексах, совокупности запретов и позитивных требований ставится под сомнение, проблематизируется самим Аушвицем и порожденной им мыслью?

Во-первых, это зараженность морали, ее фундаментальных понятий и суждений правовыми формами и смыслами (Дж. Агамбен).

Во-вторых, это двойная рядоположенность – в Декалоге и Нагорной проповеди мораль рядоположена праву, религии, повседневной нормативной практике; и рядоположены несоизмеримые запреты: те, которые могут нарушаться, по выражению Арендт, по сто раз на дню, нарушение которых допускает прощение, совесть и т.д., т.е. собственно моральный язык и оценки,

¹² Леви Г. Преступники. С. 73.

¹³ Там же. С. 157.

и несопоставимый с ними запрет «Не убий». Что скрывается за тем, что совершенно привычным стало перечисление заповедей, уравниваются «не убий» и «не прелюбодействуй», «не возжелай...», «не укради»? Что мы видим: запреты разной силы, значимости или вообще явления разной природы? Соответствует ли понятие заповеди, запрета той задаче, которую поставил Аушвиц?

Слово бога есть всегда констатация и акт творения: если он говорит «Не делай этого», то это не повеление, а утверждение того, что ты этого с абсолютной необходимостью не делаешь, не можешь в силу закона, подобного природному. Любое повелительное высказывание творца есть одновременно констатация о творимом им мире: наиболее известное такое высказывание – «Да будет свет!». И стал свет. Это не заповедь, в отношении которой человек (или свет) делает свой выбор, принимает решение, следуя ей или нарушая ее. Слова о смертности, следующей за вкушением плода, противоположны идее наказания и не предполагают возможности нарушения: сам страх наказания как основание выбора несовместим с добродетелью¹⁴. Когда человек принимает констатацию бога за заповедь, когда он принимает ее за знание, за акт речи, но не творения, он допускает возможность собственного выбора – следовать или не следовать этой заповеди.

Именно на эту подмену, на эту ошибку указывает Спиноза в «Богословско-политическом трактате». Для бога захотеть и понять есть одно и то же – разум бога тождественен его воле, его решению (и именно в этом человек отпадает от него):

Таким образом, если, например, бог сказал Адаму, что он не хочет, чтобы Адам вкусил от древа познания добра и зла, то положение, что Адам может вкусить от того древа, содержало бы противоречие, и потому было бы невозможно, чтобы Адам вкусил от древа: ибо то божественное решение должно было содержать в себе вечную необходимость и истину... В результате этого Адам воспринял то откровение не как вечную и необходимую истину, но как закон, т.е. как постановление, которое влечет за собой выгоду или вред не вследствие необходимости и природы выполненного действия, но благодаря только хотению и безусловному повелению какого-нибудь властелина. Поэтому только по отношению к Адаму и лишь ради недостаточности его познания это откровение было законом, а бог – как бы законодателем или государем¹⁵.

В этом, по мысли Спинозы, ошибка и израильтян в отношении Декалога, и пророков: они воспринимали решения бога не как вечные истины, а как законы, заповеди. И Моисей

воспринял все это не как вечные истины, но как правила и постановления и предписал их как законы бога, а отсюда произошло, что он вообразил бога правителем, законодателем, царем милосердным, справедливым и пр., между

¹⁴ См.: Спиноза Б. Письмо 21 // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. М., 1957. С. 481.

¹⁵ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. С. 68–69.

тем как все это суть атрибуты только человеческой природы и от божественной природы они совершенно должны быть устранены¹⁶.

У Канта закон, имеющий силу морального закона, непременно содержит в себе абсолютную необходимость, а сама форма закона определяется лишь двойственностью человека, принадлежащего и к феноменальному миру. У Спинозы Писание «постоянно прибегает к такому способу выражения своих мыслей, который свойственен человеческой ограниченности... что бог открыл пророкам, как необходимое для человеческого блаженства, и было записано в форме законов»¹⁷. Принадлежность человека миру ноуменальному выражена и задана не формой закона, а его абсолютной необходимостью, истинностью, которая ставит под сомнение само понятие закона, делает его несовершенным.

Следование заповедям как истинам не означает, что они познаются разумом – как раз наоборот: «...но если кто исполнит их, руководясь разумом, тот не поселенец и не принадлежит ни к праведникам из народов, ни к их мудрецам». Как мы следуем законам природы не потому, что знаем их, а просто потому, что мы есть природные существа, так же следование «моральной» божественной констатации не есть результат интеллектуального вывода и знания. Человеческий разум ограничен, а воля его неограниченна¹⁸: они тождественны и неограниченны у бога; человек же, с одной стороны, должен соотнести волю с разумом, а с другой – преодолеть волей его ограниченность, что есть необходимое условие возможности поступка¹⁹.

Ту же мысль об ошибке человека, принимающего констатацию истины, необходимости за моральную заповедь, Спиноза проводит в переписке с Блейенбергом: «...сделанное Адаму запрещение состояло лишь в сообщении ему того, что вкушение от древа причинит ему смерть; точно так же, как бог открывает нам через посредство нашего естественного разума, что яд смертелен»²⁰. Словами Делёза, «бог ничего не запрещает, но он сообщает Адаму, что плод, *благодаря своему составу, разложит тело Адама*. Плод действует наподобие мышьяка»²¹.

У Спинозы речь идет не о различии заповедей по степени значимости, ставшем предметом споров теологов, а об ошибочности подмены заповедью абсолютной необходимости. Как заповеди они обращены к человеку в качестве принимающего собственное решение о том, следовать или не следовать им и уравниваются в оптике поступающего человека, он равно может следовать им или, нарушать их. Его бытие отделено от них уже в силу того, что они даны ему в вербализованном виде, как знание, не являясь его поступком в его целостности и единственности. В силу этого убийство в заповеди не есть данность, но

¹⁶ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. С. 69.

¹⁷ Спиноза Б. Письмо 19 // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. С. 454.

¹⁸ Спиноза Б. Письмо 21. С. 479.

¹⁹ «...если бы мы не могли распространять нашу волю за пределы нашего весьма ограниченного разума... мы не могли бы... сделать ни одного шага... ибо все полно неизвестности и разных опасностей» (там же. С. 482).

²⁰ Спиноза Б. Письмо 19. С. 455.

²¹ Делёз Ж. Спиноза. Практическая философия. М., 2017. С. 47.

то, что дифференцировано, множественно: хоть сказано «Не убий», но это не касается убийства преступников или врагов на войне, убийства в борьбе со злом ради блага, т.е. это ситуативно и вторично по отношению к моральной идеологии. В качестве норм заповеди-запреты равносильны: моральное долженствование не дифференцируется по степени: Аушвиц вырывает себя, т.е. убийство, из этого ряда.

Христианская мысль, опираясь на слова Иисуса, указывает на «*наибольшую заповедь в законе*» – двойную заповедь любви (Мф. 22: 36–40). Субъективные основания поступка и мораль, понимаемая как любовь, придают смысл всем другим заповедям, делают их относительными, уравнивают их в этом качестве, а сами действия лишают статуса данности. Нацистская идея «гуманного» убийства воспроизводит ту же логику обоснования деяния любовью к ближнему и заботой о нем. В противоположность этому не-убийство превосходит любые свои основания. Мотивы важны для убийства как способ обоснования, не-убийство не нуждается в нем, оно предельно самоценно: ведь невозможно противопоставить не-убийство из любви не-убийству, лишенному такого основания. Невозможно сказать, что не-убийство, не основанное на любви, не есть подлинное не-убийство: в этом простом наблюдении дана принципиальная нерядоположенность не-убийства. Не потому «не убий», что любишь бога и ближнего, как самого себя. «Не убий» – ибо ни на что ни вне себя, ни в самом себе не можешь опереться: такова констатация Аушвица.

Философское мышление является уравнивающим, если мыслить *не убий* в общем ряду запретов, ценностей, понятий, порожденных мышлением, и далее – через единые понятия грехопадения, зла и т.д. Вот пример Блейенберга: актом убийства человек уничтожает характерную связность другого человеческого тела, актом кражи – связность, которая соединяет человека с его собственностью, а актом прелюбодеяния разрушает отношение с супругом. Здесь основанием уравнивания запретов или поступков грехопадения выступает Спинозовское понятие связности. Философия с ее способностью задавать наиболее общие понятия, идею мира в целом – великий уравниватель. Это значит, что преодоление уравнивания убийства и других действий в мысли возможно лишь в полагании поступка не-убийства как первичного основания возможности самого философского мышления.

Различение запретов по моральным основаниям действий теоретически воспроизводит то, что в нацистской морали дано в различении «гуманного» и «негуманного» убийства. Таково различение матерубийств, совершенных Орестом и Нероном, на которое указывает Спиноза: с внешней стороны, т.е. как данности, они одинаковы, но Нерона осуждают более, т.к. «поступком своим он выказал себя неблагодарным, немилосердным и непослушным»²². В этом древнем примере воспроизводится одна из основных идей нацистской морали: убийство как данность находится вне нее – для морали важно не убийство как таковое, а его ценностные и личностные основания.

Для Спинозы учение Христа лишает заповедь ее смысла закона: движение от Декалога к Нагорной проповеди совпадает с движением морально-этической

²² Спиноза Б. Письмо 23 // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. С. 493.

мысли: деяния человека обретают смысл через его мотивы, его субъективность. В логике апостола Павла, если ты не убиваешь, но любви не имеешь, то твое не-убийство обесценено: как данность оно явно вторично по отношению к любви к богу и ближнему, не самоценно и тем более не есть задающее мир.

Аушвиц резко смещает мысль к идее поступка в его самодостаточности. Для заповедей это означает смену «наибольшего»: это данность поступка и его абсолютность (независимость от мотивов, качеств поступающего, ситуации, невыводимость из ценностей и вообще моральной идеологии). Таким поступком может быть лишь *не-убийство*. Оно не рядоположено заповедям именно в качестве поступка, а не заповеди, и как поступок в его данности, единственности он есть абсолютная истина, необходимость. Этот изначальный поступок есть то, что К.А. Свасьян называет «проспанным началом»: «...деля мир на мысль (Я) и мыслимое (не-Я) или – в других эмблемах – на идею и материю, душу и тело, дух и природу, он забывает *делящего* себя и вспоминает о себе уже *разделенном*: как об одном из полюсов противостояния»²³. Нераздельность поступка и поступающего и есть «проспанное начало»: оно лишено делений, лежащих в основе самопрезентации этики: сущего и должного, ценности и знания, зла и добра, и нормы как выражения должного.

Для этого начала, архэ нет имени, тем более – нет понятия: это безымянная точка начала, для которой нет ни пространства, ни времени, нет предшества и после-шества – всё это ею порождается в результате решимости и решения, т.е. поступка. Это точка жизни и смерти вне понятий о жизни и смерти. Именно в этом начале обретается «Не убий» – не как норма, не как должное: это не-убийство, не разворачивающееся в дискурс о том, что есть убийство, где, когда, кого, в силу чего и т.п. Бытие началом тождественно не-убийству, и эта тождественность не выражена никаким утверждением, высказыванием, ибо есть начало речи, возможности высказывания. Мышление не может сделать своим предметом это начало, оно всегда направлено от него, а не на него: поэтому было бы ошибкой пытаться дать ему понятийное описание, вписать в рассуждение наряду со всем, началом чего оно является. В силу этого не-убийство, в сущности, не имеет теоретического выражения, но неустранимо из любого человеческого решения, любого поступка.

Аушвиц разрушает *не убий* как заповедь и ставит на ее место поступок *не-убийства*.

Абсолютность идеи смерти и периферийность идеи убийства

Как так получилось в истории философской мысли, что она столь радикально развела идеи смерти и убийства, сконцентрировавшись на первой и выдавив последнюю на периферию, в область прикладных тем?

Убийство как данность выведено историей этической мысли из сферы морали, утратило заложенный в нем абсолютный смысл, предельность и окончательность, между ним и фундаментальной для человека как мыслящего суще-

²³ Свасьян К.А. Очерк философии в самоизложении. М., 2015. С. 11.

ства идеей смерти пролегает граница, делающая их невидимыми друг для друга, так что идея смерти пронизывает весь идейный строй, становится основой для понимания человеческого мышления, самосознания, а убийство как данность высылается за пределы мыслимого, а в нормативном сознании занимает периферийное место. Оно не самодостаточно, его смысл вторичен по отношению к обстоятельствам, мотивам, намерениям, характеру, самой нормативной системе, в которой, как свидетельствует вся история, отсутствует абсолютный запрет на убийство. Смерть в философии образует смысловую пару с жизнью, а не с убийством (которое, например, Платоном рассматривалось в качестве достойного ответа на недостойную жизнь). Абсолютная значимость смерти сочетается с незначимостью и даже невидимостью убийства как данности. Иными словами, смерть осознается как фундаментальная особенность человеческого бытия, ее преодоление – как важнейшая задача, лежащая в основе самых разных форм культуры, а вот убийство вытеснено на периферию – его осмысление отнесено в область прикладных вопросов. Можно было бы объяснить это тем, что в отличие от смерти, соотносимой в абсолютности с бытием, убийство есть поступок человека: его место определяется утратой того центрального этического понятия поступка, каким оно было у Аристотеля. Но даже в этической мысли, заостренной на человеческий поступок (у немногих моральных философов), убийство всего лишь рядоположено другим человеческим поступкам и теоретически периферийно. «Именно неизбежность смерти заставляет верить, что она является внутренней для нас самих»²⁴, но на самом деле она как разрушение и разложение не касается «наших связностей в себе или нашей сущности»²⁵. Убийство же не есть неизбежное, наоборот то, от чего человек способен отказаться, но именно в силу этого оно воспринимается как внешнее, ситуативное. Иными словами, то, что зависит от нас самих, принижено в своем значении по сравнению с тем, что есть неизбежное, не зависящее от нас.

Всеобщность смерти доминировала над исключительностью убийства в масштабе индивидуальной биографии, но Аушвиц придал всеобщему соучастию в массовом убийстве качество очевидности и лишил убийство статуса отдаленного сюжета. Противостоящий Аушвицу поступок не-убийства воплощает единство того, что является поступком человека и в то же время есть абсолютная необходимость и всеобщность, не уступающая смерти: идее, что всякий человек смертен, противостоит данность поступка, порождающего человека.

Не-убийство не вывод из оппозиции жизни и смерти и осознания смерти как зла, наоборот: оно само задает эту оппозицию. Сокрытость поступка не-убийства обнаруживается в том очевидном несопоставимом метафизическом доминировании, которое придается человеком смерти в отличие от убийства. Именно смерть, в которой человека как поступающего нет, доминирует над убийством, совершаемым человеком, и бессмертие абсолютно превосходит в своем значении не-убийство. Смерть неизбежна и не есть человеческое дело, которому он не может сказать такое «нет», которое не было бы одновременно

²⁴ Делёз Ж. Спиноза. С. 63.

²⁵ Там же.

и «да». Убийство же – дело человека. Но в силу этого именно его отрицание, поступок не-убийства как данность и может быть началом человеческого мира: не моральной задачей, у которой в генезисе морали было стремление к бессмертию, а именно началом, тождественным морали, которая не может быть нацистской.

Необходимость поворота

Развертывание морального сознания и этической теории исторически шло в направлении устранения действия как такового, лишения его морального смысла, выведения из-под моральной оценки – оно ставилось в зависимость от мотивов, намерений, норм, а сами они во многом понимались ситуативно. Субъективность и рациональность человека занимали доминирующее место и играли главенствующую роль в задании морали как специфического явления, определяли границу между эмпирическим морально неопределенным движением и поступком человека как морального существа. Моральная мысль шла по пути правового понимания поступка, ограничивала ответственность человека осознанными и именно им совершенными действиями, его моральными мотивами и намерениями, тем, что, казалось бы, зависит от него и может быть вменено ему. Аушвиц как данность, которая не может быть поставлена в зависимость от морально-правовых оценок и от рациональных дискурсов, от науки, от всех форм культуры, но сама ставит их под сомнение, разоблачает именно это историческое движение, вытесняющее убийство как данность из пространства морали, в результате чего оно входит в это пространство только через мотивы, намерения, моральные идеи и т.п., т.е. через идейное содержание самой морали, что делает возможным понятие «гуманного» убийства.

Мораль изначально зарождалась в сознании ответственности, субъектности, данной в поступке как некоторой эмпирической данности, и не предполагала поступающего как носителя злого или доброго умысла. Именно поэтому виновным и ответственным за злодеяние признавалось и животное, и неодушевленная вещь. Ясно, что в этом случае исходным является некая данность: если речь идет об убийстве, то – сам факт насильственного прекращения жизни. Аушвиц (предельное убийство), дискредитирующий любые идейные опосредования и утверждающий поступок в его оппозиции моральной идеологии, определяет радикальный поворот этической мысли: нельзя, невозможно ставить убийство как данность в зависимость от морального содержания, от мотивов, моральной идеологии (представлений о зле и борьбе с ним) и от нормативной системы. До-культурность отвержения убийства как данности исключает его как вывод из рационального рассуждения, делает его недоступным словесному выражению и тем более определению. Оно предшествует и языку, и моральному дискурсу, предшествует не во времени, а в качестве основы, начала, архэ. Оно есть условие их возможности, подобное природному закону, в котором человек живет, на который он может опираться, но нарушение которого вне рационального рассмотрения.

Задаваемый Аушвицем поворот возвращает в центр моральной философии понятие поступка, невыводимого из нормы и вырванного из обруча мотивов и результатов. Индивидуально-ответственный поступок спасающего – единственная форма противостояния Аушвицу: он не опосредован моральной идеологией и не героичен (героизм присвоен нацистской моралью в качестве ее ценности).

Моральная философия после Аушвица может опереться лишь на такое понятие поступка, которое исключает моральную идеологию (идеи добра, зла, блага и т.д.) в качестве собственного основания, более того, которое совпадает с поступком как данностью в его единственности и абсолютности, вырванным из причинно-следственного ряда любой природы, не задаваемого ни обстоятельствами, ни субъективными опосредованиями. Именно такое понятие поступка делает невозможными идеи «гуманного» убийства, «справедливой» войны и любые иные из этого ряда, в которых действие находит свое оправдание в морали. Это означает, если быть последовательным, что мораль вообще исключается в качестве идейного основания поступка, в ней остается лишь то содержание, которое невыводимо из нее самой.

Такое понятие поступка может быть помыслено лишь как тождество поступающего и действия. Поступок не есть результат знания, рационального рассмотрения: само решение дано лишь в актуальной действительности самого поступка. Мотивы, намерения, знание нормы, рассудительность, учитывающая обстоятельства – все это не составляет решения, которое есть чистый акт воли, невыводимый из них. Моральный поступок не нуждается ни в каких основаниях вне самого решения поступающего, он есть не почему, не зачем, не как, но лишь что. *Не-убийство* и есть этот первый поступок: тождественный ему или бытийствующий в нем человек и есть человек как моральное существо, для его определения в этом качестве ничто более не нужно и не возможно. Моральный философ есть мыслящий не-убивающий, мыслящий как неубивающий и в качестве неубивающего. Это единственная возможность мыслить для того, кто совершил немислимое.

Аушвиц есть жест, указывающий на не-убийство как начало. Он подобен словам бога о древе познания добра и зла, но тогда, когда понятно, что слова сами по себе тоже дискредитированы, в том числе и тем, что допускают понимание их как заповеди, как запрета – того, в отношении чего человек свободен нарушать.

Начиная с Античности этика идет по пути критики данности как видимости, требующей препарирования и многоаспектной оценки, ищет субъективные основания человеческих действий, дифференцирует их на основе различения мотивов. Это и был путь от убийства как данности, в отношении которого его случайность или намеренность, его смысл вторичны, к разнообразию убийств, определяемому различными моральными и правовыми основаниями. Аушвиц стал жестом, указывающим на вторичность субъекта и субъективных оснований перед абсолютностью убийства как данности, он возвращает этическую историю к самому началу, в котором поступок не-убийства не задан тем, что убийство есть зло, но само то, что оно есть зло, вытекает из изначальности поступка не-совершения убийства, из решения не убивать, данного в поступке не-убийства. Это означает, что моральная философия должна восстать против самой себя, обернуть свой взгляд вспять.

Список литературы

- Делёз Ж. Спиноза. Практическая философия / Пер. с франц. и ред. Я.И. Свирского. М.: ИОИ, 2017. 204 с.
- Зубец О.П. Понятие нацистской морали: вызов моральной философии // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 68–79.
- Левы Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М.: АСТ: ОГИЗ, 2019. 336 с.
- Свасьян К.А. Очерк философии в самоизложении. М.: ИОИ, 2015. 240 с.
- Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с лат. М. Лопаткина // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. М.: Полит. лит-ра, 1957. С. 5–284.
- Спиноза Б. Письма // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. М.: Полит. лит-ра, 1957. С. 383–651.
- Haas P.J. Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic. Philadelphia: Fortress Press, 1988. ix, 257 p.
- Russell N. The Nazi's Pursuit for "Humane" Method of Killing // *Russel N. Understanding Willing Participants*. Vol. 2. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 241–276.
- Welzer H. Mass Murder and Moral Code: Some Thoughts on an Easily Misunderstood Subject // *History of the Human Sciences*. 2004. Vol. 17. No. 2/3. P. 15–32.

Non-Killing as the Primary Act

Olga P. Zubets

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olgazubets@mail.ru

Morality, being understood as a form of value-normative regulation, as a set of norms, commandments, ideas, was actively involved in the mechanics of Auschwitz. One of the key concepts of Nazi morality is "humane" killing: the Nazis' understanding of it as "humane" is connected with an idea of fighting evil, with the fact that its performer morally justifies and motivates it (with the good of others, including the victim), with a method of its realisation, which should be merciful towards both the killer and his victim. In Nazi morality, the "virtuous" person takes the decision to kill on the basis of moral ideology; killing as an actual action, as a given one, turns out to be outside of morality. They reproduce the mistake of Adam, who took the words of god's truth for a commandment, a law, which is described by Spinoza. Criticizing the single-level position of moral commandments, the author comes to the conclusion that Auschwitz is opposed not by the commandment, not by the moral prohibition "Thou shalt not kill", but by non-killing as an act. Philosophy, having emphasized the fundamental nature of human mortality, is forced by Auschwitz to place the concept of killing at the center and postulate the givenness of non-killing as a primary act – outside of verbal expression, consideration, distinction: as the beginning that makes the language, the thinking and the individual as an acting human possible. This means a turn of moral philosophy: from the substantive development of moral ideology and the specification of morality through the nuance of motives, norms and values – back to the givenness of an act, which excludes the differentiation of killing on moral grounds. The act of non-killing is not mediated by morality, it is not defined by the fact that killing is evil, but the very fact that it is evil follows from the primacy of the act of not committing killing, from the decision not to kill given in the act of non-killing. Moral philosophy itself is conceived by the author as the thinking of the one who does not kill.

Keywords: Auschwitz, Nazi ethic, “humane” killing, moral philosophy, act, commandment, Spinoza, killing as given, non-killing as a primary act, death

References

Deleuze, G. *Spinoza. Prakticheskaya filosofiya* [Spinoza. Philosophie pratique], transl., ed. by Ya.I. Svirski. Moscow: The Institute for General Humanities Research Publ., 2017. 204 pp. (In Russian)

Haas, P.J. *Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazis Ethic*. Philadelphia: Fortress Press, 1988. ix, 257 pp.

Levi, G. *Prestupniki. Mir ubijc vremen Holokosta* [Perpetrators: The World of the Holocaust Killers]. Moscow: AST, OGIZ Publ., 2019. 336 pp. (In Russian)

Russell, N. ‘The Nazi’s Pursuit for “Humane” Method of Killing’, in: N. Russel, *Understanding Willing Participants*, Vol. 2. Cham: Palgrave Macmillan, 2019, pp. 241–276.

Spinoza, B. “Bogoslovsko-politicheskij traktat” [A Theologico-Political Treatise], trans. by M. Lopatkin, in: B. Spinoza, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Vol. 2. Moscow: Izdatel’stvo Politicheskoi literatury Publ., 1957, pp. 5–284. (In Russian)

Spinoza, B. “Pis’ma” [Letters], in: B. Spinoza, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Vol. 2. Moscow: Izdatel’stvo Politicheskoi literatury Publ., 1957, pp. 383–651. (In Russian)

Swassjan, K.A. *Ocherk filosofii v samoizlozhenii* [Philosophy in Self-Presentation]. Moscow: IOI Publ., 2015. 240 pp. (In Russian)

Welzer, H. “Mass Murder and Moral Code: Some Thoughts on an Easily Misunderstood Subject”, *History of the Human Sciences*, 2004, Vol. 17, No. 2/3, pp. 15–32.

Zubets, O. “Ponyatie nacistskoj morali: vyzov moral’noj filosofii” [The Concept of Nazi Ethics: Challenge to Moral Philosophy], *Voprosy filosofii*, 2021, Vol. 8, pp. 68–79. (In Russian)